

Восемь писем Тараса Григорьевича Шевченка къ разнымъ лицамъ.

„Разъ добромъ налите сердце

„Ввѣкъ не прохолоде“.

Подлинники предлагаемыхъ писемъ тщательно сохраняются у В. В. Тарновскаго, въ его усадьбѣ Качановкѣ (борзецкаго уѣзда, черниг. губерніи); мы представляемъ здѣсь точную копію ихъ, въ хронологическомъ порядкѣ, съ нѣкоторыми поясненіями. О значеніи писемъ, какъ матеріала для біографіи, распространяться не станемъ: читатели его сами увидятъ. Пожелаемъ при этомъ, чтобы всѣ письма Шевченка, равно и „Дневникъ“ его, печатавшійся въ „Основѣ“ 1861—1862 г., вошли въ предполагаемое полное изданіе его „Кобзаря“, съ необходимыми поясненіями.

I.

Къ Гр. Ст. Тарновскому ¹⁾.

С.-Пб. 1842 г., марта 26.

„Я думаю, вы меня хорошенько побранили за „Гайдамаки“. Было мнѣ съ вами горь! На садѣ выпустилъ цензурный комитетъ:

---

¹⁾ Это—тогдашній владѣлец Качановки я 9,000 душъ, камеръ-юнкеръ, бывшій въ ту пору 50-ти лѣтъ слишкомъ. Бездѣтный, онъ воспитывалъ племянницъ, любилъ принимать гостей, литераторовъ, артистовъ и весьма радушно развлекалъ ихъ оркестромъ, родными вѣщами, танцами, деревенскими играми, иллюминаціями, побѣдами. Такъ, лѣтомъ 1838 года у него гостили—М. И. Глинка (выбравшій тогда въ Малороссіи вѣвчихъ для придворной капеллы), историкъ Н. А. Марксичъ, художникъ В. П. Штернбергъ, поэтъ В. Н. Забѣла. Нѣкоторыя мѣста изъ оперъ Глинки „Русланъ и Людмила“ были написаны и исполнены въ первый разъ въ Качановкѣ; и до нынѣ здѣсь существуетъ обширная бесѣдка, каменная, на холмѣ, среди роскошнаго сада, гдѣ Глинка писалъ своего „Руслана“. Шевченко сблизился съ Тарновскимъ въ Петербургѣ, куда послѣдній часто пріѣзжалъ на зиму; потомъ съ лѣта 1844 г. Шевченко неразъ бывалъ въ Качановкѣ и гостилъ въ ней по мѣсяцамъ. Г. С. Тарновскій умеръ 1853 г. декабря 9 и погребенъ въ склепу мѣстной церкви. Дружескія отношенія Шевченка ко всему семейству Тарновскихъ не превращались до самой смерти его.

„возмутительно!“ да и конечно! На сляку кое-какъ я ихъ увѣрилъ, что я не бунтовщикъ. Теперь спѣшу разослать, чтобы не спохватились. Посылаю вамъ три экземпляра; одинъ возьмите сами, другій отдайте Ник. Андреевичу Maestro Маркевичу, третій Виктору Забѣлѣ, на заочное знакомство. По вашему реестру, я поручилъ И. М. Корбѣ роздать экземпляры. Прощайте. Желаю вамъ встрѣтить весну весело, а у насъ еще зима.

Вашъ покорный слуга Т. Шевченко.

Р. С. Трохи, трохы не забудь. Я чувствую, что въ насъ е молоденьки дивчата. Не давайте имъ, будьте ласкави, и не показуйте мои „Гайдамаки“, бо тамъ е багато такого, шо ажъ самому соромъ. Нехай трохы пидождуть,—я имъ пришлю „Черницю Марьяну“; къ Великодню думаю надруковать. Це вже буде не *возмутительно*.

Ще разъ Р. С. Поправляйте, будьте ласкави, сами грамматику, бо такъ погано выдержана корректура, шо цуръ ёму!

Намѣреніе Шевченка издать „Черницю Марьяну“ не удалось; едва-ли онъ ее и кончилъ, отрывокъ изъ нея въ первый разъ появился въ „Основѣ“ 1861 г., № 9, потомъ былъ напечатанъ въ изданіи „Кобзаря“ 1867 года, на стр. 266—277.

II.

Тому-же лицу.

С.-Пб. 25 января 1843 г.

„Спасыби вамъ, Григорій Степановичъ, шо вы мене такы не забуваете, ще разъ спасыби! А я вже думавъ, шо мене всѣ одцуралысь, ажъ бачу вы; есть ще на святи хочъ одинъ щирый чоловікъ. Чувъ я, шо вы нездужалы, але думавъ, шо такъ тилько, звычайне—по паньскому. Ажъ якъ розказавъ мени Дараганъ, то я ажъ злякався. Слава Господови, шо минуло! Цуръ ёму, щобъ и не згадувать! А ось що шкода: шо вы сю зиму не приѣхалы! У насъ була выставка въ академіи и дуже добра; а теперь черезъ день дають „Руслана и Людмилу“. Та шо то за опера, такъ ну! А вадто, якъ Артемовскій спѣва Руслана, то такъ, шо ажъ потылицю почуваєшь, даleben правда! Добрый спивака, ничого сказать. Отъ вамъ и все, шо тутъ робытсья. Василій Ивановичъ¹⁾“

¹⁾ Григоровичъ, конференцъ секретарь академіи художествъ, вѣсегда издатель „Журнала изящныхъ искусствъ“, умеръ 1865 г. марта 15.

вернувся изъ Италіи ще товщій якъ бувъ, и рсзумнишій, и добришій; дякуе вамъ и кланяется. Карлъ Павловичъ¹⁾ байдыки бье соби на здоровье, а „Осада Пскова“ жде лѣга. Михайловъ кончилъ вашу картину добре. Штернбергъ²⁾ пише мени, шо вниъ вездужавъ, але теперь вычуывъ, и вамъ кланяется, бо вниъ дума, шо вы въ Петербургъ. А я... чортъ зна що! ни то роблю що, ни то гуляю, свовыгаю по оцѣму чортовому болотови, та згадукю нашу Украинну. Охъ, якъ-бы то мени можно було приѣхать до соловья, весело-бъ було! Та не знаю; спяткалы мене прокляты кацапы такъ, шо не знаю, якъ и выпручатыця. Та вжежъ, якъ небудь вырвусь, хочъ пиеля Великодня, и прямиснилко до васъ, а потимъ уже дальше. Ще ось що: намалювавъ я се лѣто двѣ картины и сховавъ, думавъ, шо вы приѣдете: бо картины, бачьте, наши, то я ихъ кацапамъ и не показувавъ; але Скобелевъ³⁾ таки пронышпорывъ и одву вымавтачивъ, а друга ще въ мене; а щобъ и ця не помаидрувала за якимъ небудь москалемъ (бо це, бачьте, моя „Катерина“), то я думаю послать ии до васъ. А шо вона буде коштувать, то це вже ваше дѣло; хочъ кусокъ сала, то и це добре на чужини. Я намалѣвавъ „Катерину“ той часъ, якъ вона попрощалася съ своимъ москалицкомъ и вертается изъ село; у царны пидъ куренемъ дидусъ сидыть, ложечки соби струже и сумио двитця на Катерину; а вона сердешна тильки не плаче, та пидймае передню червону запашчиву, бо вже, знаете, трошки тее... А москаль дере соби за своимъ, тилько курява ляга; собачка ще поганенька догавя его, та вибы то гавкае. По однимъ боци могила, на могили витрякъ, а тамъ уже степъ, тилько мріе. Отака моя картина⁴⁾).

¹⁾ Брюловъ, род. 1799, ум. 1852 г. іюля 11. Его картина „Осада Пскова“ осталася несоконченной. См. о немъ статьи В. В. Стасова въ „Русск. Вѣстникѣ“ 1861 г., №№ 9 и 10. Михайловъ—ученикъ Брюлова, равно какъ и Шевченко.

²⁾ Василій Ивановичъ, талантливый художникъ, „кроткое, благороднѣйшее созданиѣ“, какъ отзывался о немъ Шевченко въ своей новѣсти „Музыкантъ“. Ему посвятивъ Шевченко своего „Ивана Подкову“. О немъ съ любовію отзывались М. П. Глинка и Даль. Штернбергъ написалъ нѣсколько эскизовъ изъ малороссійской жизни; особенно извѣстна его картина „Освященіе пасокъ“, потомъ „Видъ Кіева изъ-за Дѣвѣра“, „Крещатикъ“, „Игра въ кошку и мышку“, родился въ 1816, умеръ въ 1845 г.

³⁾ Извѣстный „Иввалидъ“, командиръ Петропавловской цитадели, дѣдъ героя М. Д. Скобелева.

⁴⁾ Это—совершенно вѣрное описаніе картины, подлинникъ которой хранится и доселѣ, въ золоченой рамѣ, въ кабинетѣ В. В. Тарновскаго. Картина писана масляными красками. Лицо „Катерины“ очень ужъ идеализировано; станъ, поступъ, самыя

Коли вподобаєте—добре; а нѣ, то на горнище, поки я приѣду. А вже коли приѣду, то не виганяйте мѣсяць або другій, бо въ мене и на Украини, окроме васъ, нема приставица; а я вамъ що небудь намалую.

Спасыби вамъ и за ласкове слово про дѣтей моихъ—„Гайдамакнвѣ“. Пустивь я ихъ у люде, а до цїи поры ще нихто и сясыби не сказавъ. Може й тамъ надъ ними смѣются, такъ якъ тутъ москали¹⁾. Зовуть мене нгузіастомъ, сиричь дурнемъ. Богъ имъ звидыть! Нехай я буду мужицькій поэтъ, абы тилько поэтъ, то мени бильше ничего и не треба. Нехай собака лае, вѣтеръ розпесв. Вы, сясыби вамъ, бонтеса мени розказувать про людей,—цуръ имъ! Покоштувавъ уже я цего меду, щобъ вінь скисъ!

„Вачивъ я вчора вашого хлопця рисунки: добре, дуже добре! Тилько треба ему другого майстра, бо винъ тилько яблука, та огярки и малюе; а це така рѣчь, що сердце не нагодуешь. А зъ его бувъ-бы добрый маляръ, бо воно хлопця до всего беруче.

Обицянку пришлю вашимъ дивчаатмъ къ Великодню, а може и ранше, коли внораюсь. Тилько не ту, що я вамъ писавъ, а ившу, по московському сконпоновану, щобъ не казали москали, що я ихъ языка не знаю. Бувайте здоровы! Нехай зъ вами діетця все добре и не забувайте щирого вашого Т. Шевченка“.

III.

Къ артисту С. С. Артемовскому.

(Безъ означенія дати).

„Взагородивѣйшій ты язъ людей, брате—друже мій единый, Семене! Не греба було-бъ тее... та знать у тебе стала потылиця

костюмъ, тонній и ловко спитый, скорѣе напоминають городскую барышню, нарядавшуюся по малороссійски, чѣмъ истую хохлушку. Величина картины—аршва два въ дялу, и аршва слишкомъ въ ширину. Въ писмѣ сдѣланъ и набросокъ ея черниломъ и карандашомъ.

¹⁾ Шевченко, вѣроятно, разумѣть устныя отзывы и бѣглия замѣтки „Отечественныхъ записокъ“; но въ печати мы знаемъ и сочувственный отзывъ о немъ Плетнева. Еще въ 1840 г. Плетневъ говорилъ о его „Кобзарѣ“: „Въ немъ собрано иѣсколько простонародныхъ лирическихъ поэзіій души, живыхъ и счастливо переданныхъ авторомъ“. Поздѣе, въ 1844 г. по поводу „Тризны“ Шевченка, Плетневъ писалъ: „г. Шевченко пользуется у всѣхъ, знающихъ малороссійское нарѣчіе, необыкновенною славою. Его стихи знаетъ вся Украина и наслаждается ихъ чтеніемъ точно такъ-же, какъ Великокорсія стихами Пушкина“. Но въ „Тризнѣ“ Плетневъ не находить признака

глубока, бо брешешъ собі нивроку, та й не схаменешся. Ну, кажи по правди, чи есть та великая душа на свѣтѣ,—кромѣ твоей благородной души,—щобъ згадала про мене въ далекой неволи, та ще й 15 карбованцьвъ дала? Нема теперь такихъ великихъ душъ на свѣтѣ! Може и булы колы небудь, та въ ирїй полѣтели. Одна твоя осталася межъ нами зимовать, та тудячись самотня на морози, и сочинила собі поэму, да такую сердечную, задушевную поэму, шо я и доси читаю да плачу. Великій ты поэтъ, друже мій Семене! Благодарю тебе всимъ сердцемъ и всимъ помышлениемъ моимъ. Чимъ, якъ, и колы заплачу я тоби за твое истинно христьянськее дѣло? Теперь, кромѣ слезъ благодарныхъ, ничего въ мене нема. Я—ницій въ полномъ смыслѣ этого слова, и не только матеріально,—душею, сердцемъ обнищаль. Отъ шо зробила зъ мене проклятая неволя, трохи-трохи не ідіота! *Десятый годъ* ¹⁾ не пишу, не рисую и не читаю навѣтъ ничего. А якъ-бы ты побачивъ, межъ якимъ людомъ верчуся я оци десять лѣтъ! Та не дай, Господи, щобъ и приснылыся тоби колы небудь таки недолудви! А я у ихъ въ кудакъ сижу: давать, безъ всякого милосердія давать; а я повиненъ ще и кланяться, а то возьме разомъ та и раздавить якъ ту вошу межъ ногами. До тяжкого горя прививъ мене Господь на старість, а за чїи грѣхи? ей-же Богу—не знаю!

Два, чи вже и три годы тому буде, якъ писавъ я до тебе, друже мій единый, и до Йохима, але одвіту не получивъ; думанъ, шо письма мои проналы де небудь, або... прости мене, друже мій единый... буза и така думка, шо може вы мене занехалли. Ажъ бачу, шо Богъ мене ще не покида.

Якъ побачишь Йохима, то поклонися ему гарненько одъ мене и попроси его, нехай винъ мени, ради святого Аполлона,

---

такавта и весьма справедливо прибавляетъ: „это заставляетъ насъ думать, что одна часть поэтическихъ концепцій descendit во глубинѣ души автора, а другая—въ языкъ, на которомъ онъ пишетъ“.

¹⁾ Письмо это, какъ выше сказано, безъ всякой даты; но слова „*десятый годъ*“ даютъ ясное указаніе на время письма—1856 годъ. Отсутствие даты объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что лежащее предъ нами письмо (единственное изъ всѣхъ) не подлинное, а копія, снлата П. А. Кулишомъ. Изъ письма Шевченка въ М. М. Лазаревскому отъ 8 октября 1856 г. (напечатаннаго въ мартовской книжкѣ „Основы“ 1862 г., стр. 3) убѣждаемся несомнѣнно, что письмо къ Артемовскому писано *осенью 1856 года*. Артемовскій Сем. Степ. былъ взятъ М. Глинкою изъ Кіева въ 1838 году въ придворный хоръ, а въ 1839 г. онъ уѣхалъ за границу для образования себя, потомъ около 20 лѣтъ пѣлъ партіи баритоновъ; скончался или здравствуетъ—не знаемъ.

пришле хоть малесенькій болванчикъ (статуетку), або барельефикъ який nebude изъ купидонівъ своєї фабрики гальванопластической; ему воно недорого куштуватиме, а мені буде великій подарокъ. Ще позаторякъ заходився я бувъ липять изъ воску, и ничого не вдіявъ, тямъ що передъ очима нема ничого доброго скульпатурного; а якъ-бы Иохимъ приславъ мені що nebude, то я-бъ знову заходився коло воску. Нудьга, крый Мати Божа, яка вудьга—сидѣть склавши руки, и такъ сидѣть дни, мѣсяци и годы! О, Господи! сохрани всякого чоловіка одъ такой живої смерти.

Кланяюсь твоїй добрій жипочци, цѣлую твое еднее дитя и плачу разомъ зъ вами о погребеніи вашої Александры. Прощай, друже мій єдиный, не забувай безталанного, сердцемъ преданого тобі земляка твого Т. Шевченка“.

Адресъ: Оренбургской губерніи, въ Новопетровское Укрѣпленіе, его в.благ. Ираклію Александровичу Ускову.

IV.

Къ Вас. Вас. Тарновскому (старшему)¹⁾.

Любый мій Василь Васильевичъ!

„Якъ-бы не трапился вы, або я до васъ не заѣхавъ, то довелося-бъ мені и въ Москвѣ захряснуть на безгришны. А теперь, спасби вамъ и мойи не ледачій доли, теперь я въ Петербургѣ ниначе въ свойи господѣ. Вчора бачився я зъ вашимъ батькомъ и матерью и зъ моею кумасею. Вы ихъ ще не швидко побачите дома. Посылаю вамъ зъ братомъ вашимъ днесьмо оце и по четыре экземпляра моеи работы, а одинъ любому величкому Горлениткови. Перешлите ему, будте ласкови. Та напишите, щобъ воно не забувало обидянки. Якъ побачите Иванисшева и Селина, то поцѣлуйте ихъ за мене“.

Нехай вамъ Богъ помога на все добре!

1859 г. сент. 28. Свб.

Щирый вашъ Т. Шевченко.

¹⁾ В. В. Тарновскій, воспитанникъ нѣжинскаго лицѣя, 1-го выпуска (1826 г.), товарищ Н. Г. Рѣдвана, другъ Гоголя, учитель исторіи въ житомирской гимназій, членъ комисіи для описанія губерніи кіевскаго учебнаго округа, извѣстный своимъ сочиненіями „Юридическій бытъ Малороссій“ (1842 г.), „О дѣлности семействъ въ Малороссіи“ (1853 г.) и преимущественно своимъ участіемъ въ крестьянскомъ вопросѣ. Скончался въ Качановкѣ 1866 г. декабря 4, погребенъ въ церковномъ склепѣ. Надъ могилой его возвышается великолѣпный мраморный саркофагъ.

²⁾ Профессора кіев. университета: † 1874 г. октября 14, † 1876 г. марта 17.

V.

Надеждѣ Вас. Тарновской.

Кумасю, сердце мое!

„У вечерѣ я буду у Карташевскихъ. Ще на тймъ тыжни обичяно. Якъ матиму часъ, то прійду обѣдать, п поговоримо. А поки що, примити, мое серденько, моя единая кумасю, оцей нкчемный рисунокъ, на згадування 8 октября 1859 року.

Оставайтесь здорови!

И кумъ, и другъ, и братъ вашъ щирый Т. Шевченко.

22 окт. 1859 г. Слб.

VI.

Вас. Вас. Тарновскому (младшему).

Милостивый государь

Василій Васильевичъ!

100 экземпляровъ „Кобзаря“, взятые вами у Д. С. Каменецкаго ¹⁾ для передачи Михаилу Корнѣевичу Чалому, инспектору 2-й кievской гимназии, я эти сто экз. „Кобзаря“ подарилъ моей невѣстѣ, и она покорнѣйше васъ просить, и я тоже, 50 экз. переслать въ Черниговъ, въ пользу воскресныхъ школъ, на имя Романа Дмитріевича Тривны, а 50 экз. въ пользу тѣхъ-же школъ въ Кіевѣ, на имя М. К. Чалаго. И будущая жена моя, и я, будемъ вамъ благодарны, если вы исполните нашу просьбу.

1860 г. 7 авг. Слб. Готовъ къ услугамъ Т. Шевченко.

VII.

Якову Вас. Тарновскому ¹⁾.

1860 г. дек. 23. С.-Пб.

„Давно, дуже давно мы зъ вами не бачились, щиро шануемый Яковъ Васильевичъ! И такъ якъ вы чоловікъ щирый и

¹⁾ Каменецкій Дан. Сет., издатель портретовъ украинскихъ писателей, завѣдывалъ некогда типографіей Куляша, скончался 1880 г., октября 15.

²⁾ Братъ Вас. Вас. старшаго, жившій тогда въ селѣ Потовахъ, каневского уѣзда, кievской губернии. Князь Лопухинъ, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ письмѣ, скончался въ 1873 г.; некрологъ его см. въ „Кіевлянинѣ“ 1873 г., № 25.

розумный, а я тежъ трошки похожій на такихъ людей, якъ вы, то мы бесплодно и написали одинъ другому измятое слово „Милостивый государь! Лучше любить и робить, а нижъ писать и говорить.

Двоюродный братъ мій Варфоломей Григорьевичъ Шевченко—почти управляющій корсунскимъ имѣніемъ князя Лопухина, чоловікъ розумный, щирый и, какъ говорятъ, мастеръ своего дѣла; это вы лучше меня можете узнать отъ вашихъ сосѣдей, нежели отъ меня. Братъ мой тяготится нѣмцами и зязами и въ особенности его свѣтлѣйшествомъ; прочуши, шо вамъ треба замѣстить чимъ-небудь лучшимъ вашего теперешняго управителя, хочеть, и я прошу васъ, пріймать его до себе, та й бѣльшъ ничего!

Дітомъ, якъ Богъ поможе, я буду въ Цотовахъ и щиро, щиро васъ поцѣлюю, а поки що, бувайте здоровы.

Искренній вашъ Т. Шевченко.

„Кума моя Над. Вас. занедужала и осталася въ Петербургъ. Вас. Вас. и Людмила Владиміровна поѣхали въ Качаповку.

VIII.

В. В. Тарновскому (младшему).

16 февраля, 1861 г., С.-Пб.

Милостивый государь

Василій Васильевичъ.

Сегодня получилъ я письмо изъ Чернигова отъ Романа Дмитриевича Тризны, на имя котораго въ прошломъ году просилъ я васъ переслать 50 экз. „Кобзаря“ въ пользу черниговской воскресной школы. Тризна пишетъ мнѣ, что онъ и до сего дня не получилъ вашей посылки. Во имя Божіе увѣдомьте меня, на чье имя и когда послали вы въ Черниговъ помннутые экземпляры, чѣмъ много обяжете готоваго къ услугамъ Т. Шевченка.

Желаніе поэта было исполнено, по отвѣтъ на письмо это едва-ли засталъ уже поэта въ живыхъ: настоящее письмо его было писано имъ за десять дней до смерти...

Сообщая С. Пономаревъ.